

Освещение в рубке управления снизилось до уровня, который можно было смело назвать полумраком. В этом тусклом свете Z распахнул дверцу шкафчика, выудил оттуда ночник и бросил его Юлиану. Это оказался сугубо утилитарный ночник, работающий на литий-супероксидной батарее. Ещё один артефакт с ярко выраженным духом старины.

— Вот и всё, больше ничего нет, — сказал Z. — Вся электроника обесточена, любые функции корабля, кроме системы жизнеобеспечения, отключены. Нет ни энергии, ни гравитации, даже развлекательная система не работает. Зона перемещения ограничена рубкой управления. Ближайшие двадцать четыре часа нам остаётся только одно — парить в невесомости.

Юлиан включил ночник и, прикрыв его ладонью, в рассеянном свете разглядел выражение лица Z. Тот парил в воздухе рубки, раскинув руки и ноги звездой, и выглядел невероятно скучающим. Подумав, Юлиан предложил:

— Если хочешь, можем поболтать.

Z помолчал немного, а затем ответил:

— Я думал, ты уже понял: когда я начинаю болтать, я превращаюсь в ядовитую змею.

— Но не из тех, что смертельно опасны, — пожал плечами Юлиан.

Как показала практика, человек, не умеющий общаться, даже при наличии желания не может в одночасье овладеть искусством беседы. Даже если его собеседником выступает Юлиан — признанный самим Z мастером сладких речей. Слушая Юлиана, Z то и дело перебивал его, не в силах помолчать ни секунды. А когда очередь доходила до него, он совершенно не умел искренне делиться своим опытом или взглядами. Когда весь запас юмора, сарказма и словесного мусора иссяк, Z уставился в потолок и пробормотал себе под нос:

— Так дело не пойдёт. — Он развернулся, ухватился за ручку шкафчика и вытащил свой скафандр.

Юлиан потрясённо воскликнул:

— Тебе не обязательно... Не хочешь болтать — и не надо, тебе не обязательно прятаться снаружи во время солнечной вспышки!

Z закатил глаза:

— Я просто сгоняю в холодильник на кухне.

Жилой отсек не входил полностью в защищённую зону во время штормового предупреждения,

поэтому Z и надел скафандр. Оставшись в рубке один, Юлиан извёлся от беспокойства и вздохнул с облегчением лишь тогда, когда увидел в коридоре приближающийся свет налобного фонаря. Через несколько секунд он обнаружил, что Z держит в руках два стакана-непроливайки для невесомости и бутылку вина. Юлиан узнал её: это была одна из бутылок, которые он принёс на борт — венерианский специалитет, который он даже сам ещё не успел попробовать.

Z оттолкнулся ногой, взмыл вверх и привязал бутылку к верхней ручке шкафчика, после чего бросил Юлиану один из пакетов с напитком. Какими бы элегантными и изысканными ни пытались делать пакеты для питья в невесомости, они всё равно не могли обойтись без трубочки. То, что дал ему Z, было ещё проще: стандартный космический поильник с соской. Юлиан принялся сквозь пластик — то, что дал ему Z, совершенно не пахло алкоголем. Он сделал глоток, решив, что это либо старое доброе правило «никаких пьяниц на борту Альберта», либо новая мера безопасности «никакого алкоголя при отключённом питании». Однако, подняв голову, он услышал, как Z объявляет:

— Я пьян.

Юлиан удивлённо произнёс:

— А я думал, это вода.

— У тебя — вода, — ответил Z. — Во время отключения систем нельзя терять бдительность, кто-то на корабле должен оставаться трезвым. Хотя ты и не профессионал, твоя невероятная способность к обучению и похвальное чувство ответственности с лихвой компенсируют этот недостаток.

Z что, только что сделал ему комплимент? Юлиан с сомнением посмотрел на сдвинутый пакет в руках Z:

— Это вино или сыворотка правды?

Z рассмеялся, и на этот раз в его смехе не было ни капли сарказма:

— Вино. Как я уже сказал, я пьян.

— Мне нравится это вино, — оценил Юлиан.

— Когда я пьян, со мной проще общаться, — Z бросил на Юлиана взгляд. — Но не жди, что я продолжу этот разговор, когда протрезвею.

Так вот какой способ продолжить беседу придумал Z? Юлиану это показалось даже в чём-то милым.

— Ну, и о чём мы теперь будем говорить? — спросил Юлиан.

Z ответил прямо:

— Понятия не имею. Учитывая, что из нас двоих именно я — тот, кто не умеет общаться.

Такая откровенность Z застала Юлиана врасплох. Казалось, что бы он ни сказал, это будет недостойно того хрупкого цветка, который обнажил Z, спрятав свои колючки. Он нерешительно предложил:

— Может... поговорим о «Планке»?

— «Планк» — скука смертная, — скривился Z. — Медленный, как инвалидная коляска. И зачем было строить такую махину? Чтобы стать отличной мишенью в поясе астероидов?

Юлиан с улыбкой заметил:

— А я думал, он тебе нравится.

— С чего бы это?

Z кувыркнулся прямо над головой Юлиана. До этого он парил на боку возле шкафчиков, а теперь принял позу Супермена: завис вертикально, скрестив руки на груди, и впился взглядом в Юлиана. По правде говоря, Юлиан считал, что одна только эта оборонительная поза говорит сама за себя, но озвучивать это не стал. Раз уж Z так редко бывает сговорчивым, он не хотел быть тем, кто испортит атмосферу.

— На ЕМ-1, — сказал Юлиан, — когда они заговорили о «Планке», мне показалось, тебе было что сказать.

— Тебе показалось, — не задумываясь, отрезал Z.

Юлиан изогнул бровь и, в тёплом жёлтом свете ночника, поднял на него глаза. Z отвёл взгляд, избегая зрительного контакта.

— Ты пьян, — напомнил Юлиан.

— «Планк» — очень скучный корабль, — после недолгого молчания нехотя заговорил Z. — Но вот место, куда он направлялся, — весьма неплохое.

Он потянулся за бутылкой, которая неизвестно когда успела улететь на крышу шкафчика, и

открыл пробку. Изумрудно-зелёный шарик вина по инерции выскользнул наружу. Z высунул кончик языка и лизнул его. На его лице отразилось сомнение, но он всё же проглотил каплю целиком. Юлиан сосредоточенно вертел в руках древний ночник, делая вид, что не заметил, как Z уничтожает улики своей неловкости.

— «Планк» — даже не корабль. Это просто акт массового самоубийства, — тон Z был весьма специфичным, то ли осуждающим, то ли ироничным. — «Пионер», «Вояджер», «Новые горизонты»... Столько беспилотных зондов уже дали предельно ясный ответ. Все знают, что на окраинах Солнечной системы нет ничего, что стоило бы исследовать.

«Это не твои мысли», — подумал Юлиан. Он слышал космический манифест Z, манифест идеалиста-экспансиониста.

— Я хочу услышать твоё мнение, — сказал Юлиан.

— Моё мнение? — Z коротко усмехнулся. — У меня нет никакого мнения. Застрять в Солнечной системе до скончания времён — что в этом плохого?

Ирония стала ещё более явной. Однако Юлиан не стал напоминать про «я пьян». Горечь и сарказм в словах Z были одинаково острыми.

— «Планк» это самоубийство, — повторил Z. — Ты видел карту его маршрута? После Сатурна они собирались изменить курс на прямое восхождение 14 часов 29 минут и склонение минус 62 градуса. Звучит знакомо? Этот корабль вообще не собирался двигаться в плоскости эклиптики, и его целью не был пояс Койпера. Он хотел уйти дальше. В Облако Оорта, а может, и за пределы Солнечной системы.

Облако Оорта, или даже за пределы Солнечной системы. Юлиан знал, что находится в том направлении — ближайшая к Солнцу звезда, до которой почти сто тысяч астрономических единиц. Даже «Альберту» потребовались бы сотни лет, чтобы преодолеть это расстояние. А «Планк», чьи возможности разгона были куда скромнее, летел бы туда тысячелетиями. Как такое вообще возможно?

Юлиан поднял голову и посмотрел на Z. Половина его лица скрывалась в тени, а губы были сжаты в суровую прямую линию. Он совершенно не выглядел так, будто шутит. Юлиан внезапно вспомнил закрытое совещание по медицинским протоколам, на котором он присутствовал в «Америнке». Учитывая неожиданно большой для исследовательского судна экипаж «Планка» и его отнюдь не гигантские размеры, ему в голову пришла одна пугающая мысль.

— Криокапсулы... — недоверчиво пробормотал Юлиан. — Неужели на «Планке» собирались использовать технологию криогенного сна? Но ведь это незаконно, разве нет? Технология выведения из криосна даже сейчас далека от совершенства, она бы ни за что не прошла этическую комиссию.

— Они её использовали, — равнодушно констатировал Z.

Чтобы сохранить манёвренность, исследовательский корабль не мог позволить себе огромные жилые отсеки, как на колонизационных судах. И хотя «Планк» был значительно больше «Альберта», на нём насчитывалось всего несколько десятков кают. В единицах из них размещался активный экипаж, а все остальные были забиты криокапсулами со спящим резервом. Время этих «спящих красавиц» застыло янтарём при температурах, близких к абсолютному нулю.

В состав первого активного экипажа входили капитан Иванов и команда из семи человек. Они должны были вести корабль как можно дальше, а когда кто-то из них чувствовал, что больше не справляется, он или она отправлялись в криоотсек, чтобы пробудить себе замену. При этом существовала огромная вероятность, что они так ничего и не найдут, лишь раз за разом проживая свои короткие, как у мотыльков-однодневок, жизни. Эта команда должна была сменяться до тех пор, пока корабль не исчерпает свой ресурс. Они отправились в неизведанные дали, чтобы в недостижимых глубинах космоса исследовать для Земли кометы и космическую пыль.

Юлиан содрогнулся.

Госпожа Иванова, Фридман, все эти выходцы из Плесеца на ЕМ-1 — они наверняка знали об этом. И всё же они продолжали возлагать свои патриотические идеалы на «Планк». А капитан Иванов и те две сотни членов экипажа предпочли стать изменниками родины, лишь бы вывести этот корабль из гавани. От момента старта и до неведомой вечности им предстояло отринуть всё человеческое, используя живых людей, включая самих себя, как запасные детали, пока они не будут израсходованы до последнего. Как они могли принять столь фанатичное решение?

— Готовность, — произнёс Z. — Готовность, необходимая для того, чтобы шагнуть в неизведанное. Думаешь, слово «космос» звучит романтично? Отнюдь. Космос жесток и безжалостен.

Они на какое-то время замолчали, и атмосфера стала такой же гнетущей, как и полумрак в рубке управления. Иллюминатор был совсем рядом, Юлиану хотелось открыть его, взглянуть на Солнце или любую другую звезду. Ему хотелось разрушить эту мёртвую тишину и увидеть яркое, пылающее пламя жизни. Но он быстро вспомнил об их нынешнем положении. «Альберт» уже сложил фермы, а солнечные панели по бокам сомкнулись перед рубкой, создавая щит от солнечной вспышки, словно эмбрион в утробе матери, свернувшийся калачиком и спрятавший лицо в руках.

Тревога Юлиана не находила выхода. Он откусил крышечку пакета и, замедлив движения, стал потягивать питьевую воду, замаскированную под вино. Возможно, это была иллюзия, вызванная разговором, но он почувствовал лёгкий жар. Юлиан оттянул воротник рубашки.

— Не дёргайся, — скомандовал Z.

Юлиан решил, что снова нарушил какое-то правило безопасности «Альберта». Он замер, но жар никуда не делся. Юлиан неуверенно спросил:

— Тебе не кажется, что здесь жарковато? Тут...

— Пей больше воды, — ответил Z.

Хотя Z ответил не на тот вопрос, Юлиан уже привык вычленять смысл из его слов:

— Значит, здесь действительно жарковато. — Он на секунду задумался, и вдруг его охватила паника. Он невольно ахнул: — Z? Пожалуйста, скажи мне, что эта жара не из-за проблем с системой охлаждения.

— А из-за чего же ещё? — Z вздёрнул бровь, глядя на Юлиана, который от его ответа резко вскочил, выпустив из рук пакет с напитком. — Не реагируй так бурно, система жизнеобеспечения всё ещё работает.

— Ты уверен? — Юлиан поймал улетевший от испуга пакет и нервно облизал губы.

— Не в первый раз.

Сказав это, Z кивнул в каком-то направлении. Должно быть, указывая на солнечную вспышку. Юлиан не мог понять, как он умудряется определять положение Солнца, находясь в невесомости без единого ориентира.

Для Юлиана это был первый дальний космический полёт, и они сразу же угодили в солнечную вспышку высшего класса за весь цикл солнечной активности. Разумом Юлиан понимал, что они находятся на борту «Альберта», у которого достаточно мощные защитные экраны. Нельзя сказать, что они в абсолютной безопасности — в космосе на это вообще не стоит рассчитывать, — но, по крайней мере, опасность сейчас была не больше, чем во время обычного полёта. И всё же он никак не мог успокоиться. Космос был бескрайним и чуждым, словно здесь человек переставал быть человеком, превращаясь лишь в скопление атомов углерода, водорода и кислорода. Космос ко всем относился одинаково.

— Ты уже сталкивался с таким раньше? — Юлиан слегка кашлянул, меняя тему. — С солнечной вспышкой такого класса.

Он намеренно переключил внимание, стараясь не думать об этом пугающе огромном явлении, и мысленно перебирал материалы для письменного экзамена на лётную лицензию. Нынешний пик цикла солнечной активности только начался, а предыдущий был одиннадцать лет назад — довольно давно. Сколько же тогда было лет Z...

— Одиннадцать лет назад, тоже вспышка класса X50, — сказал Z.

Возможно, растерянность и жажда услышать продолжение были слишком явно написаны на лице Юлиана, потому что Z смилостивился и сам спросил:

— Хочешь послушать?

Юлиан серьёзно кивнул.

— На самом деле, ничего интересного.

<http://bllate.org/book/17728/1664335>